

Р. Киплинг

к 42

I

Р 29473

АНГЛИЧАНКА

ОГВЗ • ГОСЛТИЗДАТ • 1942 г.

Р. Киплинг

АНГЛИЧАНКА

РАССКАЗ

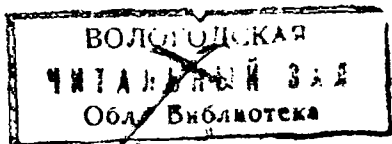
*Перевод с английского
М. Клягиной-Кондратьевой*

Спб 462

ОГИЗ

Государственное издательство
художественной литературы
1942

Леди Мак-Коусленд так писала о мисс Мери Постгейт: «Она вполне добросовестна, аккуратна, общительна и благовоспитана. Мне очень жаль расставаться с нею, и я всегда буду принимать в ней участие».

Мисс Фаулер наняла Мери по этой рекомендации и, к своему удивлению — ведь она не раз имела дело с компаньонками, — убедилась, что все это правда. В то время мисс Фаулер было лет под шестьдесят, но хотя она нуждалась в уходе, она не очень донимала свою компаньонку. Напротив, даже развлекала ее, делаясь с нею своими воспоминаниями. Отец мисс Фаулер был мелким судебным чиновником в те дни, когда Всемирная выставка 1851 г. только что запечатлела достижения цивилизации, доведенной до совершенства. Тем не менее кое-какие рассказы мисс Фаулер вряд ли были бы уместны в обществе молодежи. Мери была не молода, и хотя все, что она говорила, было так же бесцветно, как ее глаза или волосы, она

ничем не смущалась. Она невозмутимо слушала все, что угодно; выслушав, отзывалась: «Как интересно!» или «Какой ужас!», в зависимости от темы разговора, и уже больше не возвращалась к рассказанному. Кроме того, она превосходно знала домашнее счетоводство, и за это ее не любили деревенские торговцы, еженедельно подававшие ей свои счета. Других врагов у нее не было; зависти она не возбуждала даже у самых некрасивых женщин и никогда не была источником сплетен или злословия; она охотно соглашалась занять случайно пустовавшее место за столом у пастора или доктора, хотя бы ее пригласили всего за полчаса до обеда; она была какой-то общей тетей для множества деревенских ребятишек, чьи родители, принимая все подарки, немедленно восстали бы против «опеки», как они выражались; она работала в деревенском детском комитете как заместительница мисс Фаулер, если мисс Фаулер лежала в приступе ревматического артрита, и даже, заседая раз в полгода на двухнедельной сессии, ухитрялась заслужить уважение всех партий.

Когда племянник мисс Фаулер, некрасивый одиннадцатилетний сирота, волею судеб остался на руках у мисс Фаулер, Мери Постгейт приняла участие в его воспитании, протекавшем в частных и общественных школах. Она подбирала ему одежду по печатным спискам, присланным

из школы, рассчитывалась за дополнительные уроки, писала директорам и учителям, попечительницам, няням и врачам, огорчалась или радовалась, просматривая баллы за половину триместра. Юный Уиндем Фаулер, приезжая домой на каникулы, вознаграждал Мери тем, что называл ее «Гейтпост», «Пости» или «Бечевкой», тыкал кулаком между узкими ее плечами или гонялся за нею, бляя, как овца, по всему саду, а она, разинув свой большой рот, задрав большой нос, бежала, вытянув шею и выбрасывая вперед ноги, точь-в-точь как верблюд. Подростком Уинн оглашал весь дом шумом, криками, возражениями, длинными речами на тему о своих нуждах, симпатиях и антипатиях и об «этой вашей женской ограниченности» и утомлял Мери до того, что она плакала, а если был в шутливом настроении, заставлял ее хохотать до упаду. В периоды безденежья, учащавшиеся по мере того, как он становился старше, Мери была его заступницей и посредницей между ним и мисс Фаулер, не очень сочувственно относившейся к молодежи; на совещаниях о его будущем Мери подавала за него голос; она была его швеей, ответственной за все пропавшие ботинки и костюмы, вечной мишенью для его насмешек и его рабой.

А когда он, решив сделаться адвокатом, поступил в одну лондонскую контору, когда, здороваясь, он говорил уже не: «Хэлло, Пости, ста-

рушонка», а: «С добрым утром, Бечевка», тогда разразилась война, и, не в пример всем тем войнам, которые помнила Мери, эта война не велась прилично где-то за пределами Англии и в газетах, а ворвалась в жизнь людей, которых Мери знала. Как она однажды выразилась в разговоре с мисс Фаулер, это было «весьма при-скорбно». Война забрала пасторского сына, который собирался работать в предприятии своего старшего брата; она забрала племянника полковника накануне его отъезда на садоводческую ферму в Канаду; забрала сына миссис Грант, который, как говорила его мать, готовился принять духовный сан, и очень, о, очень скоро забрала Уинна Фаулера, который известил домашних открыткой, что поступает в Воздушный флот и что ему нужен вязаный жилет.

— Пусть поступает, а жилет ему надо послать, — сказала мисс Фаулер.

Итак, Мери достала спицы нужного размера и шерсть, а мисс Фаулер заявила своей мужской прислуге — двум садовникам и шестидесятилетнему старику подручному, что всякий, кто способен сражаться, должен поступить в армию. Садовники ушли. Чийп, подручный, остался и, повышенный в должности, занял коттедж садовников. Кухарка, недовольная тем, что ей предложили урезать расходы, тоже ушла после бурной сцены с мисс Фаулер и увлекла за собой

горничную. Мисс Фаулер назначила Нелли, семнадцатилетнюю дочь Чийпа, на освободившееся место горничной, а миссис Чийп возвела в ранг кухарки с обязательством время от времени производить уборку, и в упрощившемся домашнем хозяйстве все пошло гладко.

Уинн попросил прибавки к сумме, которая отпускалась ему на карманные деньги, и мисс Фаулер, всегда смотревшая прямо в лицо действительности, сказала:

— Надо прибавить. Вряд ли ему посчастливится долго получать эти деньги, и если он обрадуется трем сотням...

Уинн, исполненный благодарности, приехал домой, туго затянутый в военный мундир, выразить свои чувства. Его лётная школа находилась всего в каких-нибудь тридцати милях от дома, а речь его была столь обильно пересыпана техническими терминами, что пояснять ее приходилось при помощи таблиц, изображающих машины различных типов. Одну такую таблицу он дал Мери.

— Вы должны изучить ее, Пости, — сказал он. — Вам скоро придется видеть множество таких машин.

И Мери старательно изучала таблицу, но когда Уинн снова приехал, покрасоваться и похвастаться перед своими женщинами, она позорно провалилась на экзамене, и Уинн отчитал ее, как в прежние дни.

— С виду вы более или менее напоминаете человека, — сказал он каким-то новым начальственным тоном. — Когда-то, в прошлом, у вас, наверное, были мозги. Что вы с ними сделали? Где вы их прячете? Овца и та понимает больше вас, Пости. Горе мне с вами! От вас меньше пользы, чем от пустой консервной банки; вы сонный старый казуар, вот вы кто.

— Надо полагать, что это твой начальник так разговаривает с тобой, да? — спросила мисс Фаулер из глубины своего кресла.

— Но Пости не обижается, — возразил Уинн. — Ведь нет, Бечевка?

— Обижаюсь? Да разве Уинн сказал что-нибудь обидное? Я теперь хорошенько выучу это к вашему следующему приезду, — пробормотала она и снова сдвинула бесцветные брови, уткнувшись в диаграммы таубе, фарманов и цепелинов.

Через несколько недель сухопутные и морские сражения, описание которых Мери читала мисс Фаулер после завтрака, перестали задевать ее внимание. Все ее сердце, все мысли вознеслись высоко в воздух вместе с Уинном, а он к этому времени уже закончил «прокатку» (Мери не совсем понимала, что это такое) и перешел с такси на машину, которую мог считать в известной мере своей собственной. Как-то раз утром она прилетела, сделала круг над самой трубой их дома, а затем приземлилась на зарос-

шей вереском пустоши Вегга, чуть ли не у самой садовой калитки, и Уинн вбежал, весь посиневший от холода, и крикнул, что хочет есть. Потом они вдвоем с Мери покатали кресло мисс Фаулер, как они часто делали и раньше, по дорожке к пустоши, чтобы посмотреть на биплан. Мери заметила, что «от него очень скверно пахнет».

— Пости, вы, сдается мне, думаете носом, — сказал Уинн. — Мозгами вы не думаете, это я знаю. Ну, какого он типа?

— Пойду принесу таблицу, — сказала Мери.

— Вы просто безнадежны. Мозгов у вас меньше, чем у белой мыши, — вскричал Уинн и стал объяснять устройство приборов и приспособлений для бомбометания, пока не настало время снова лезть в самолет и зарываться в мокрые облака.

— Ах! — вздохнула Мери, когда вонючая машина умчалась вверх. — Дайте только нашему Воздушному флоту взяться за дело! Уинн говорит, что на самолете гораздо безопаснее, чем в траншеях.

— Не знаю, — сказала мисс Фаулер. — Позовите Чийпа, чтобы он отвез меня домой.

— Тут под гору. Я и одна справлюсь, — сказала Мери, — только включите тормоза.

Она налегла всем своим тощим телом на спинку кресла, и они покатали домой.

— Смотрите, вы вспотеете и простудитесь, —

сказала мисс Фаулер, закутанная с ног до головы.

— Я никогда не потею, — сказала Мери.

Вкатив кресло на террасу, она выпрямила свою длинную спину. Напряжение вызвало румянец на ее щеки, а ветер стряхнул прядь волос ей на лоб. Мисс Фаулер взглянула на нее.

— О чем вы думаете, Мери? — спросила она.

— Уинн говорил, что ему нужно еще три пары чулок... чем толще, тем лучше.

— Да, но я спрашиваю вас не об этом, я имею в виду то, о чем обычно думают женщины. Ведь вам уже за сорок...

— Сорок четыре, — честно сказала Мери.

— И что же?

— Что?

Мери, как обычно, подставила мисс Фаулер плечо, чтобы та оперлась на него.

— Вы живете у меня уже лет десять.

— Подождите,—сказала Мери.—Уинну было одиннадцать, когда он приехал. Теперь ему двадцать, а я поступила к вам за два года до его приезда. Значит — одиннадцать лет.

— Одиннадцать лет! И за все это время вы ни разу не рассказали мне о себе ничего значительного. Как вспомнишь, кажется, будто все эти годы рассказывала одна я.

— К сожалению, я не очень разговорчива. У меня на это нехватает мозгов. Позвольте, я сниму с вас шляпу,

Мисс Фаулер, с трудом передвигая ногу, стукнула палкой с резиновым наконечником по изразцовому полу передней.

— Мери, неужели вы только компаньонка? Хоть раз в жизни вы могли бы быть не только компаньонкой. — Мери повесила шляпу мисс Фаулер на вешалку.

— Нет, — ответила она, подумав. — Не могу себе этого представить. Но ведь у меня, пожалуй, нет воображения.

Она принесла стакан минеральной воды контрексевиль, которую мисс Фаулер всегда пила в одиннадцать часов.

Наступил дождливый декабрь; за месяц выпало шесть дюймов осадков, и женщины старались как можно реже выходить из дома. Летящая колесница Уинна посещала их довольно часто, и два раза, по утрам, Мери (Уинн предупредил ее открыткой) слышала шум его пропеллера на рассвете. Во второй раз она подбежала к окну и впилась глазами в белеющее небо. Крошечное пятнышко пронеслось где-то вверх. Она протянула к нему костлявые руки.

А в шесть часов вечера пришло письмо в казенном конверте, извещавшее о том, что младший лейтенант У. Фаулер погиб во время испытательного полета. Смерть наступила мгновенно. Мери прочла письмо и отнесла его мисс Фаулер.

— Я так и знала, — сказала мисс Фаулер, —

но мне жаль, что это случилось раньше, чем он успел хоть что-нибудь сделать.

Комната вертелась вокруг Мери Постгейт, но сама Мери твердо стояла на ногах в этом круговороте.

— Да, — проговорила она. — Очень жаль, что он погиб не в бою, не после того, как убил хоть одного из них.

— Мгновенная смерть. Это все-таки утешение, — продолжала мисс Фаулер.

— Уинн говорит, что человек сразу умирает от удара при падении... что бы там ни случилось с баками, — сказала Мери.

Комната постепенно перестала вертеться. Мери слышала, как мисс Фаулер сказала с досадой: «Но почему мы не можем плакать, Мери?», слышала свой ответ: «Плакать не о чем. Он исполнил свой долг, так же как сын миссис Грант...»

— Да, но когда тот умер, мать пришла и проплакала все утро, — сказала мисс Фаулер. — Я же чувствую только усталость, смертельную усталость. Пожалуйста, помогите мне улечься в постель, Мери... И принесите бутылку с горячей водой.

Мери помогла хозяйке улечься, села рядом, и они стали говорить об Уинне и его кипучей юности.

— Мне кажется, — внезапно сказала мисс Фаулер, — что старики и совсем молодые люди

менее чувствительны к таким ударам. Люди средних лет переживают их сильнее.

— Пожалуй, это верно, — отозвалась Мери, поднимаясь. — Я теперь пойду уберу вещи в его комнате. Мы будем носить траур?

— Конечно, нет, — ответила мисс Фаулер. — Только на похоронах, но это само собой разумеется. Я не в состоянии итти. Пойдете вы. Устройте так, чтобы его похоронили здесь. Какое счастье, что это случилось не в Солсбери.

Все, от командного состава Воздушного флота до пастора, держали себя чрезвычайно внимательно и сочувственно. Мери побывала в том мире, откуда трупы отправлялись всевозможными способами в самые различные места. А на похоронах два молодых человека в наглухо застегнутых мундирах стояли у могилы и потом беседовали с Мери.

— Ведь вы — мисс Постгейт, да? — сказал один из них. — Фаулер говорил мне о вас. Он был хороший малый... молодчина... огромная потеря!

— Огромная потеря! — буркнул его товарищ. — Все мы очень огорчены.

— С какой высоты он упал? — спросила Мери шопотом.

— С четырех тысяч футов без малого, так, кажется? Ведь ты поднимался в тот день, Монки?

— Не меньше, — ответил второй юнец. —

Мой высотомер показывал три тысячи, а я летел гораздо ниже Фаулера.

— Ну, это хорошо, — сказала Мери. — Очень вам благодарна.

Они повернулись и пошли в ту самую минуту, когда миссис Грант бросилась со слезами на плоскую грудь Мери и закричала:

— Уж я-то знаю, каково это пережить! Я-то знаю, каково это!

— Но родители его умерли, — сказала Мери, отстраняя ее. — Может быть, они теперь все там встретились, — неопределенно добавила она, отступая к карете.

— Я уж думала об этом, — простионала миссис Грант, — но ведь им он будет совсем чужой. Как все это сложно!

Мери до мельчайших подробностей описала всю церемонию мисс Фаулер, а та, выслушав рассказ о бурном поведении миссис Грант, громко расхохоталась.

— Ах, как посмеялся бы этому Уинн! Он всегда вел себя совершенно невозможно на похоронах. Помните...

И они снова принялись говорить о нем, взаимно дополняя свои воспоминания.

— А теперь, — сказала мисс Фаулер, — мы поднимем шторы и произведем генеральную уборку. Это нам всегда помогает. Вы разобрали вещи Уинна?

— Да. Они все до одной сохранились... с тех

пор как он впервые сюда приехал, — ответила Мери. — Он всегда обращался бережно с вещами... даже с игрушками.

Они заглянули в его чистенькую комнату.

— Это, должно быть, неестественно, что вы не плачете, — сказала Мери. — Я так боюсь, что у вас будет реакция.

— Как я уже говорила вам, мы, старики, нечувствительны к ударам. Вот за вас я боюсь. Вы плакали?

— Не могу. Меня только охватывает злоба против немцев.

— Это пустая трата сил, — сказала мисс Фаулер. — Нам нужно дожить до конца войны. — Она открыла гардероб, полный одежды. — Я вот о чем думаю. Все его штатское платье можно отдать... бельгийским беженцам или еще кому-нибудь.

Мери кивнула.

— А ботинки, воротнички, перчатки?

— И это. Не нужно оставлять ничего, кроме его пилотки и пояса.

— Их привезли вчера вместе с его обмундированием, — сказала Мери, показывая на сверток, лежащий на маленькой железной кровати.

— А вот его военное обмундирование нужно сохранить. Оно еще кому-нибудь пригодится. Вы помните его мерку?

— Пять футов восемь с половиной дюймов; объем груди тридцать шесть дюймов. Но он

сказал мне, что вырос на полтора дюйма. Я напишу все это на ярлычке и привяжу к его спальному мешку.

— Значит, этим мы распорядились, — сказала мисс Фаулер, постукивая средним пальцем, на котором носила кольцо, по ладони другой руки. — Завтра достанем его старый школьный чемодан и уложим его штатское платье.

— А все остальное? — спросила Мери. — Его книги, картинки, игры, игрушки... и... и все остальное?

— По-моему — сжечь все решительно, — сказала мисс Фаулер.— Так мы по крайней мере будем знать, что вещей уже нет, и значит они не попадут в чужие руки. Как вы думаете?

— Я думаю, что это самое лучшее, — ответила Мери. — Но ведь у него так много вещей.

— Мы сожжем их в сжигателе, — сказала мисс Фаулер.

Это была печь для сжигания мусора, круглая башенка четырех футов высотой, сложенная из пустотелого кирпича над железной решеткой. Мисс Фаулер много лет назад увидела в одном журнале по садоводству чертеж такой печи и распорядилась сложить ее в конце сада. Ее аккуратной натуре пришлось по вкусу это изобретение, так как оно уничтожало безобразные мусорные кучи, а зола шла на удобрение твердой глинистой почвы,

29473

Мери минуту подумала, сообразила, что ей надо сделать, и снова кивнула. Они провели весь вечер, разбирая хорошо знакомые им штатские костюмы, белье с метками, которые вышивала Мери, и вороха очень ярких носков и галстуков. Пришлось достать еще чемодан, а потом дорожный сундучок, и на другой день под вечер Чийп и местный посыльный уложили все вещи на повозку. Пастор, у которого, к счастью, оказался приятель, чей сын — примерно такого же роста, как Уинн,—очень нуждался в полном обмундировании летчика, прислал за вещами сынишку своего садовника с тачкой. Пилотку повесили в спальне мисс Фаулер, а пояс — в спальне мисс Постгейт, так как мисс Фаулер, сказала, что у нее нет охоты болтать об этих предметах с гостями за чаем.

— Ну вот с этим покончено, — сказала мисс Фаулер.—Остальное я предоставляю вам, Мери. Я не в силах бегать взад и вперед по саду. Возьмите большую бельевую корзину и попросите Нелли помочь вам.

— Я возьму тачку и все сделаю сама,—сказала Мери и впервые в жизни сжала губы.

В минуты раздражения мисс Фаулер говорила, что Мери «невыносимо методична». Мери надела свой самый старый непрөмокаемый плащ, шляпу, в которой работала в саду, и калоши, которые вечно сваливались у нее с ног. Погода была пасмурная, и вот-вот мог пойти

дождь. Взяв из кухни лучину, полведра угля и связку хвороста, Мери повезла все это на тачке по обомшелым дорожкам к мокрым лавровым зарослям, где под тремя дубами стояла печь. Она перелезла через проволочную изгородь в усадьбу пастора, выдернула из стога его арендатора две больших охапки хорошего сена и аккуратно разложила сено по решетке в печи. Потом, в несколько приемов, всякий раз проходя мимо окна гостиной, за которым виднелось белое лицо мисс Фаулер, Мери перевезла на тачке в покрытой полотенцем бельевой корзине захватанные пальцами и растрепанные томики сочинений Хенти, Мерриета, Ливерса, Стивенсона, баронессы Орчи, Гарвиса; учебники и атласы; разрозненные комплекты журналов «Мотоциклист» и «Легковой автомобиль»; каталоги выставок Олимпия; остатки целого флота парусных кораблей, начиная с девятипенсовых катеров и кончая трехлинейными яхтами; халат, который Уинн носил в пригготовительной школе; крикетные палки ценой от трех или шести пенсов и до двадцати четырех шиллингов; крикетные и теннисные мячи; испорченные паровые и заводные локомотивы вместе с погнутыми рельсами, серую с красным жестяную модель подводной лодки; онемевший граммофон с надтреснутыми пластинками; молотки для гольфа, которые пришлось переломить о колено, так же как и тросточку Уинна и его рапиру;

групповые снимки школьных крикетных и футбольных команд и офицерской школы в походе; кодаки и катушки с пленкой; несколько оловянных кубков и один из настоящего серебра, полученных за победы на молодежных соревнованиях по боксу и скачках с препятствиями; пачки школьных снимков; фотографию мисс Фаулер и свою карточку, которую Уинн стащил у нее в шутку (а Мери, конечно, не спрашивала о ней!), да так и не вернул; шкатулку для игр с секретным ящичком; целый ворох фланелевых штанов, поясов и фуфаек и подбитые гвоздями ботинки, найденные на чердаке; пакет со всеми письмами, которые мисс Фаулер и она, Мери, писали Уинну, а он по какой-то непонятной причине хранил все эти годы; дневник, который он пытался вести в течение пяти дней; картинки в рамках, изображающие бруклендские автомобильные гонки; сложенные в одну общую кучу груды сломанных ящиков для инструментов, кроличьи клетки, электрические батареи, оловянные солдатики, принадлежности для выпиливания и выпиленные головоломки.

Мисс Фаулер, сидя у окна и наблюдая, как Мери ходит взад и вперед, подумала: «Мери—старуха. Я только сейчас это заметила».

После ленча она посоветовала Мери пойти отдохнуть.

— Я ничуть не устала,—сказала Мери. — В

два часа пойду в деревню за парафином. У Нелли нехватает, а мне полезно пройтись.

Перед уходом она в последний раз обошла весь дом и убедилась, что ничего не забыла. Как только она миновала поросшую вереском пустошь Вегга, где когда-то приземлился Уинн, начало накрапывать. Ей показалось, что сверху доносится шум его пропеллера, но в небе ничего не было видно. Она раскрыла зонтик и стремительно зашагала, не останавливаясь, пока не вошла в безлюдную деревню. Когда она выходила из лавки миссис Кидд с бутылкой парафина в веревочной сетке для покупок, она встретила мисс Иден, сестру из местного медицинского пункта, и, как всегда, разговорилась с нею о деревенских ребятишках. Только что они остановились попрощаться против трактира «Королевский дуб», как вдруг прямо за домом грянул пушечный выстрел, — так им по крайней мере показалось. За ним последовал детский вопль, перешедший в стон.

— Что-то случилось! — бросила на ходу сестра Иден и ринулась через пустой бар; Мери побежала за ней. В доме они увидели миссис Геррит, жену трактирщика, которая только беззвучно открывала рот и показывала пальцем на двор, где маленький каретный сарай валился набок под грохот сыпавшихся черепиц. Сестра Иден схватила простыню, сушившуюся перед камином, выбежала на двор, что-то подняла с

земли и завернула в простыню. Простыня сделалась красной, так же как перед форменного платья сестры Иден, пока она несла свою ношу в кухню. Это была маленькая Эдна Геррит, девятилетняя девочка, которую Мери знала с тех пор, как ее возили в колясочке.

— Я сильно ушиблась, — промолвила Эдна и скончалась на залитых кровью руках сестры Иден.

Простыня упала, и Мери, прежде чем закрыть глаза, успела на мгновение увидеть истерзанное, искромсанное тело.

— Непостижимо, как она могла вымолвить хоть слово, — сказала сестра Иден. — Ради всего святого, что это было?

— Бомба, — ответила Мери.

— С цеппелина?

— Нет, с самолета. Когда я шла по пустоши, мне казалось, я слышала его, но я подумала, что это наш. Он, должно быть, выключил мотор, когда стал снижаться. Вот почему мы его не заметили.

— Подлые свиньи! — прошептала сестра Иден, побледнев и вся дрожа. — Что же мне теперь делать? Пойдите за доктором Хеннисом, мисс Постгейт. — Сестра Иден взглянула на мать; та лежала ничком на полу. — Она в обмороке, только и всего. Переверните ее.

Мери перевернула миссис Геррит, приподняв ее с правого бока, и побежала за доктором.

Когда она рассказала ему все, он попросил ее посидеть в приемной, пока он сходит и принесет что-нибудь подкрепляющее.

— Но мне ничего не нужно, уверяю вас, — сказала Мери. — Мне кажется, не следует рассказывать об этом мисс Фаулер. Как вы думаете? У нее в такую погоду и без того ноет сердце.

Доктор Хеннис, упаковывая свою сумку, окинул ее восхищенным взглядом.

— Правильно. И никому не надо рассказывать, пока мы не узнаем достоверно, в чем тут дело, — сказал он и поспешно отправился в «Королевский дуб».

Мери ушла домой с бутылкой парафина. Деревня позади нее была так же спокойна, как всегда: слух о происшествии еще не разнесся. Мери слегка хмурила брови, ее широкие ноздри некрасиво раздувались, и время от времени она бормотала ругательства, которыми Уинн, не стеснявшийся перед своими женщинами, награждал врага: «Подлая сволочь! Они, действительно, подлая сволочь! Но, — добавила она, вспомнив заученные на всю жизнь правила, которые сделали ее тем, чем она была, — не надо позволять себе раздумывать о таких вещах».

Не успела она дойти до дому, как доктор Хеннис, совмещавший со своей практикой обязанности местного уполномоченного по охране, нагнал ее в автомобиле.

— Слушайте, мисс Постгейт. Я хотел сказать вам, что несчастный случай в «Королевском дубе» произошел из-за того, что обвалилась конюшня Геррита. Она уже давно грозила рухнуть. Ее надо было снести.

— А мне показалось, я и взрыв слышала, — сказала Мери.

— Вы, наверно, ошиблись: это просто обрушились балки. Я осмотрел их. Они насквозь прогнили и превратились в труху. Когда они падали, грохот был, как от пушки.

— Вот как? — вежливо промолвила Мери.

— Видите ли, — продолжал доктор, глядя ей прямо в глаза.—Бедняжка Эдна играла у стены, и вот балками и черепицами ее искромсало в куски.

— Это я видела, — сказала Мери,—и слышала тоже.

— Ну, мы ничего не знаем наверно. — Доктор Хеннис совершенно изменил тон. — Я знаю, что вы и сестра Иден (я уже говорил с нею) заслуживаете полного доверия, и я могу на вас положиться, что вы никому ничего не скажете... хотя бы до поры до времени. Не следует будоражить людей, пока не...

— О, я этого никогда не делаю, — сказала Мери, и доктор Хеннис покатил в город.

В сущности, размышляла она, очень возможно, что так оно и было: старая конюшня обвалилась и пришибла бедняжку Эдну. Мери пожа-

лела, что высказала свои предположения, но сестра Иден на редкость сдержанный человек. Чем ближе она подходила к дому, тем более далеким стало ей казаться это происшествие: слишком уж оно было чудовищно. Когда она вернулась домой, мисс Фаулер сказала ей, что с полчаса тому назад пролетели два самолета.

— Мне показалось, что я слышала их, — отозвалась Мери.—Я сейчас пойду в сад. Парафин я достала.

— Да, но... что это у вас на башмаках? Они совсем мокрые. Сейчас же снимите их.

Мери не только сняла башмаки, но завернула их в бумагу и положила в веревочную сетку вместе с бутылкой. Затем, вооружившись самой длинной кухонной кочергой, вышла из дому.

— Дождь опять пошел, — сказала ей вслед мисс Фаулер, — но... я знаю, вы не успокоитесь, пока с этим не будет покончено.

— Это займет не много времени. Я все перенесла туда, а печь закрыла крышкой, чтобы в топке не отсырело.

Сумрак сгустился в кустах к тому времени, когда Мери закончила все приготовления и совершила возлияние жертвенным елеем. Зажигая спичку, которая должна была сжечь ее сердце и обратить его в пепел, она услышала не то стон, не то хрипенье за густыми португальскими лаврами,

— Чийп, — окликнула она с досадой, но Чийп, страдавший застарелым ревматизмом и сидевший теперь в своем уютном коттедже, вряд ли был способен осквернить своим присутствием святилище. — Это овцы, — решила она и бросила в печь зажженную спичку.

Костер с шумом вспыхнул, и пламя тотчас же сгустило тьму вокруг Мери.

«Как бы полюбовался на это Уинн», — подумала она, отступая подальше от огня.

При свете пламени она увидела шагах в пяти полускрытого за лавровым кустом человека с обнаженной головой, сидевшего очень прямо под дубом. Сломанная ветка лежала у него на коленях, из-под нее торчала нога в сапоге. Голова человека беспрестанно качалась из стороны в сторону, но тело его было неподвижно, как ствол дерева. Он был в форменном кителе (Мери сделала шаг, чтобы получше рассмотреть), приблизительно таком же, как у Уинна, и на груди у него был карман с застегнутым клапаном. У Мери мелькнула мысль, что это один из тех молодых летчиков, которых она встретила на похоронах. Но у них волосы были темные и блестящие, а у этого волосы были светлые, как у младенца, и так коротко острижены, что сквозь них просвечивала противная розовая кожа. Губы его зашевелились.

— Вы что сказали? — Мери подошла к нему и остановилась.

— Леди! Леди! Леди! — бормотал он, а пальцы его комкали мертвые мокрые листья.

Национальность его не возбуждала сомнений. Мери охватила такая злоба, что она отошла к печи, хотя в топке еще пылало и незачем было мешать кочергой. Она взглянула на дуб, под которым сидел человек; несколько тонких верхних веток и две-три подгнившие нижние были сломаны и валялись на дорожке между кустами. За самую нижнюю, раздвоенную ветку зацепился шлем и повис на ремнях; при свете длинного языка пламени он показался Мери птичьим гнездом. Человек, очевидно, упал на дерево. Уинн рассказывал Мери, что бывают случаи, когда человек может выпасть из самолета. Уинн говорил также, что деревья служат на пользу летчику при такой катастрофе, замедляя его падение, но в этом случае летчик, очевидно, расшибся, иначе он, наверно, изменил бы свою странную позу. Он, повидимому, не мог двинуть ни рукой ни ногой, и только его страшная голова качалась из стороны в сторону. Но Мери заметила кобуру на его поясе, а Мери ненавидела пистолеты. Несколько месяцев тому назад она и мисс Фаулер, прочитав описание некоторых событий в Бельгии, достали оружие — огромный револьвер с тупоносими пулями, а Уинн потом сказал, что правилами ведения войны их запрещено пускать в ход против цивилизованных противников

— Для нас они годятся, — возразила мисс Фаулер. — Научи Мери, как обращаться с ним.

И Уинн, смеясь при одной мысли о том, что им может понадобиться револьвер, повел Мери, которая щурилась и моргала от страха, в заброшенную каменоломню пастора и показал ей, как стреляют из этой страшной машины. Теперь револьвер лежал в верхнем левом ящике ее туалетного стола — сувенир, не обреченный на сожжение. Уинну было бы приятно видеть, что она не испугалась.

Она пошла домой за револьвером. Когда она вернулась под дождем, глаза в страшной голове горели ожиданием. Губы даже силились улыбнуться. Но при виде револьвера углы их опустились, как у Эдны Геррит, и голова закачалась от плеча к плечу, словно пытаясь показать на что-то.

— Cassée. Tout cassée¹, — послышался стон.

Вы что сказали? — спросила Мери с отвращением, осторожно держась сбоку, хотя двигалась только его голова.

— Cassée — послышалось снова. — Che me rends. Le medicin. Doctor..²

— Nein! — сказала Мери, призывая весь свой маленький запас немецких слов на помощь большому пистолету. — Ich habe der todt Kinder gesehen³.

¹ „Разбился. Весь разбился“ (искаж. франц.)

² „Я сдаюсь. Врача. Доктора!“ (искаж. франц.)

³ „Нет. Я видела мертвых детей“ (искаж. немецк.)

Голова перестала качаться. Мери опустила руку. Она все время старалась держать палец подальше от курка, опасаясь, как бы не произошел несчастный случай. Немного подождав, она вернулась к печи, в которой пламя уже опадало, и помешала кочергой обуглившиеся книги Уинна. Голова снова застонала.

— Молчать! — проговорила Мери и топнула ногой. — Молчите вы, подлая сволочь!

Слова вырвались у нее сами собой, без усилия. Это были собственные слова Уинна, а Уинн был джентльменом, который ни за что на свете не разорвал бы маленькую Эдну на ярко окрашенные лоскуты и клочья. А вот тот, скорчившийся под дубом, разорвал. Это было не то, что читать мисс Фаулер описания всяких ужасов в газетах. Мери видела все собственными глазами на кухонном столе в «Королевском дубе». Не надо позволять себе раздумывать об этом. Уинн умер, и все связанное с ним, сваленное в кучу, шуршит и потрескивает под ее усердной кочергой, превращаясь в красно-черный прах и серые лепестки пепла. И тот под дубом тоже умрет. Мери не раз видела смерть. Она родилась в семье, где всем выпало на долю, как она в свое время сказала мисс Фаулер, умереть «при самых злосчастных обстоятельствах». Она останется здесь, пока не убедится, что и «этот» умер... умер, как милый папа в конце восьмидесятых годов, как тетя Мери в

восемьдесят девятом, мама в девяносто первом, кузен Джон в девяносто пятом, горничная леди Мак-Коусленд в девяносто девятом, сестра леди Мак-Коусленд в девятьсот первом, Уинн, похороненный пять дней тому назад, и Эдна Геррит, которая еще ждет, чтобы земля укрыла ее. Раздумывая обо всем этом, она ворочала кочергой, разгребая золу на решетке внизу, и осторожно скребла по верхним кирпичам. Она взглянула на свои ручные часы. Время близилось к половине пятого, а дождь все усиливался. Чай подадут в пять часов. Если «этот» не умрет раньше, она промокнет, и ей придется переменить платье. Между тем, — и этим были заняты все ее мысли, — вещи Уинна хорошо горели, несмотря на дождевые капли, которые с шипением падали на них; время от времени какой-нибудь книжный переплет с очень отчетливыми буквами высывался из общей кучи. Мери согрелась от работы кочергой, и ей казалось, что тепло проникает в нее до мозга костей. Она мурлыкала что-то — голоса у Мери никогда не было — себе под нос. Она раньше не верила во все эти передовые идеи о женской деятельности, хотя сама мисс Фаулер отчасти склонялась к ним, но сейчас она поняла, что можно многое сказать в их пользу. Вот это, например, ее дело, дело, которое ни один мужчина — и уж, конечно, не доктор Хеннис — не взял бы на

себя. Мужчина в подобном случае поступил бы «по-рыцарски», как говорил Уини: он бросил бы все, чтобы пойти за помощью, и, конечно, перенес, бы «этого» в дом. Дело женщины — создать теплый уют для... для мужа и детей. Если это не удалось... не надо позволять себе раздумывать о таких вещах... но...

— Молчать! — снова крикнула Мери во тьму. — Nein, говорю вам! Jch habe der todt Kinder gesehen. Jch habe der todt Kinder gesehen!

Но так вот оно и бывает в жизни. Женщина, лишенная всего этого, все-таки может быть полезной... полезнее мужчин в некоторых отношениях. При мысли об этом ее охватил тайный восторг, и она, как мостильщик, ударила по осевшей золе. Дождь гасил огонь, но Мери чувствовала (было слишком темно, чтобы видеть), что она сделала свое дело. На дне печи рдело тусклое пламя. От него уже не загорится крышка, если надвинуть ее до половины, чтобы помешать дождю проникать внутрь. Надвинув крышку, Мери оперлась на кочергу и стала ждать.

Ее забытье было прервано звуком, которого она не раз в жизни ждала в смертельной тревоге. Она наклонилась вперед и прислушалась. Ошибиться было нельзя. Закрыв глаза, она ловила этот звук. Внезапно он умолк.

— Нет, — пробормотала она вполголоса.
— Это еще не конец.

А затем совершенно явственно в короткую минуту затишья между двумя порывами дождя она услышала конец. Мери Постгейт быстро втянула воздух между стиснутыми зубами и содрогнулась с головы до ног.

— Кончено, — сказала она и удовлетворенная пошла в дом, где перевернула весь домашний распорядок, приняв горячую ванну перед чаепитием.

НАЧАЛО

О ней не знали ни друг, ни враг,
Никто о ней не слышал у нас,
И не сразу случилось, — но стало так,
Что ненависть в Англии родилась.

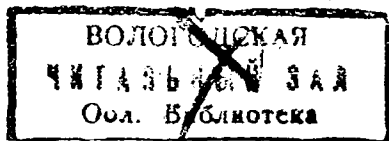
Разгневать нас не так то легко,
Мы молча ждали, чтоб пробил час,
Когда до конца будет ясно все —
Так ненависть в Англии родилась.

И нынче спокойны у нас голоса,
Все—так же, как было не раз,
И также спокойно смотрят глаза, —
Но ненависть в Англии родилась.

Об этом никто в толпу не кричал,
И закона безмолвствовал глас,

Никто об этом вслух не сказал,
Но в Англии ненависть родилась

Она неслышно в сердцах росла,
Но теперь она здесь, ей не скоро пропасть —
И холодные будут ползти времена,
С той минуты отсчитывая года,
Когда она в Англии родилась.

Редактор *Р. Гальперин*.

Подписано в печать 25 II 1942 г. А 65231. 1 печ. лист.
Тираж 50000 экземпляров. Зак. 474. Цена 30 коп.

Типография полиграфуправления УАССР
Ижевск, ул. Пастухова 13

30 коп.

